

Борис
Пейгин

СЛЕДУЮЩИЙ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Редактор серии *Алиса Цыганкова*

Оформление серии *Алексея Гаретова*

Пейгин, Борис Сергеевич.

П24   Следующий : роман / Борис Пейгин. — Москва :
Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-225635-6

Филипп Дмитриевский — наследник «аристократических» амбиций интеллигентной семьи, чья жизнь расписана наперед. Умный, но эмоционально нестабильный, он не оправдывает надежд близких и с детства страдает от нехватки любви и принятия.

Лариса Кораблёва — воплощение всего, чем Фил никогда не сможет быть. Она была всегда — нестерпимо близко и недостижимо далеко. Восхищение ею превращается в болезненную любовь, наблюдение — в одержимость, а внутренний мир Фила становится лабиринтом, где вместе с ним блуждают воображаемые собеседники: от Данте и Казановы до доктора Эгмана из компьютерной игры.

«Следующий» — утончённый интеллектуальный роман о разрушительной первой любви, stalkingе и цене свободы. Борис Пейгин создаёт редкий по точности психологический портрет героя: читатель проживает с ним мучительный путь взросления, ощущая каждое колебание его чувств.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Пейгин Б., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225635-6

Ларисе Мареевой

Часть 1

(непрошеные записки)

В тот день, когда Фил висел на заборе, он всё вспомнил. ...тогда, к чёрному марту тому, кончено было всё, я проиграл всё — Кораблёва тогда уже не обращала на него внимания, только шла быстрее, Кораблёва, Лариса, Лариса. Был день последний. Фил по имени не называл её, не произносил в мыслях своих — так, так было. Я боялся. Господи, как он боялся.

Выйдя из школы, мы легли на параллельные курсы, в общем, на юг — ты, он, они — я знал, где тебе выходить, и думал, перехвачу тебя и увижу тебя, но они шли за мной. Знали ли они, куда ты идешь? Думал, да, знали. Все двигались параллельными курсами на юг — я и они по земле, а ты — под землей.

И тогда Филу думалось, что удача была на его стороне, потому что колченогая девка попала им на пути — нет, начнем не с этого. Фил выглянул из подворотни, и в этот раз Лариса не видела его. Вот как она оказалась там. Я пошёл от школы на запад, а она на восток. И стало быть, сработала уловка моя — я тут же нырнул во двор и по диагонали пересёк его, а она обогнула квартал, и когда Фил выглянул из подворотни, она только вышла на Авангардный проспект. Но по узкому тротуару, между скалами-домами много людей текло этой рекою, и она не видела меня, но обогнула квартал, избегая меня. Поэтому она спустилась на «Трайгород-

скую» не с южного входа, с угла Пороховой, а с северного — у, собственно, Трайгородской. Она не спустилась сразу, хотя и должна была, зашла в магазин. Фил посмотрел на часы. Ей выходить на «Октябрьской площади». До «Октябрьской площади» поезд от «Трайгородской» идёт семь с половиной минут. Она всегда опаздывает, но — надо считать, что она уже спустилась. Не опаздывать самому.

Фил шёл за ней, а они шли за мной. Они видели, как я заходил во двор, несомненно, но если... Мне было плевать на «если», у меня было семь с половиной минут, чтобы оказаться на другой стороне, на Синчиновском проспекте. Глянул на часы — побежал. На метро нельзя, пешком — не успеть, и я рванул к Авангардному, к автобусной остановке. Но они были именно там — зашли во двор с проспекта и тогда только увидели меня. Они не шли за Филом, но теперь пошли, побежали, и я побежал от них.

Двор отделял, я втопил по сугробу и завяз по пояс, обходили по дороге, Фил выскочил на дорогу; Кухмистров бежал навстречу, Белов, Данилов, Мазурова — с другой стороны, я бежал, тогда — так.

— Филя, стой! — Свистнул снежок, но не попал.

— Исчезни, хуесос! — Фил крикнул, пожалел, растратил дыхание. Кольнуло в боку.

Кухмистров приближался, Белов и Мазурова скакали наперерез. Господи, вырваться бы, минуту он потерял. И тогда — на прорыв — дёрнул, сколь было силы в ногах, Кухмистров большой, инерция больше, чем у Филя, до Мазуровой далеко. Белов — слабое звено, я рванул в лапы ему и уронил — весили они одинаково, но моя скорость больше. Импульс выше. Рухнул, я пробежал по нему, завяз в теле, хрустнул.

— Стой, сука! — Снова снежок, попал, но на излёте.

До грани квартала, до Пантелеевского, и они за мною, все вчетвером.

— Филя, пошли пол помоем!

— Да чего ты как идиот! — Мазурова, ну что она могла сказать. Только про достоинство не кричала, на бегу-то.

И вот тогда-то произошло то, что иначе как иронией судьбы не назовёшь. Мелихова зашла в квартал, сухо-рукая, колченогая — навстречу ему. Я оббежал её, как чумную, потому что унижение заразно, и куда заразиться ему ещё хуже, чем было, но убоаяся, оббежал.

— Чего, невесту встретил?

Он думал — когда висел на заборе — и потом, много, потом много думал — отчего люди с хорошими лицами порождают только двинутых ублюдков? Они не жалели меня, я не жалел его, он меня, но когда черти вас будут жарить в аду за это, вы это вспомните, даже если я буду лежать на соседней сковородке.

Она была уже далеко, пять минут осталось, но Филя не догнала, переключились на колченогую.

— Иди, — слышалось мне с той стороны бульвара, — жениха своего лови, а то свадьбы не будет...

— Э... оста...

— Ты подмыхи побрила, а? — Это Мазурова, я слышал.

Перевёл дух. Четыре с половиной минуты. На улицах — что на Пороховой, что на Трайгородской, — много народу. Пока добежит до проспекта — ещё столько же пройдёт. Операция под угрозой срыва. И Филя осенило — трамвай! По Староозёрской ходит трамвай! Да, я бежал в ту сторону, и судьба вела меня куда нужно, ты вела, должная быть моей. Пробок нет, и можно успеть. Четыре минуты — я на Староозёрской, идёт «девятка», четыре минуты — остановка, толпа, третья ступенька, дзынь, поехали. Минута — трамвай поворачи-

чивает на Мересьевский переулок, вокруг музея идёт на юг, к мосту. Десять секунд — перекрёсток та сторона, перекрёсток, Синчиновский проспект. Между Большой Пиковской и «Октябрьской площадью». Но толпа сдвинулась, оторвала от двери меня, Фил проехал остановку.

Так, дальше... «Девятка» пойдёт по Преображенской на юг, параллельно Синчиновскому. Но... Ещё две остановки — повернет направо, снова на мост и дальше на Семенскую сторону. Художник живёт... Фил помнил — Ямской угол / Саквояжный. Самый перекрёсток. Ты пойдёшь по Саквояжному... наверное. Нет. Там есть место, где Преображенская подходит близко к Ямскому углу, самому изгибу. И остановка — метров двести оттуда. Нельзя упустить тебя — он не следил в этот раз просто, мы поговорим, раз и навсегда, и кто из них выйдет живым? Ты не скроешься в норе этого художника, не поговорив со мною. Фил загружал в голову карту — как в перерыве между уровнями в игре следующую локацию объясняют. Вот ход.

От Сабанцевской набережной в центр тянется Архиповский переулок, пересекает Преображенскую, нигде не широкий. На перекрёстке остановка. После Преображенской Архиповский становится непроезжим — между зданием Севспецводстроя и старыми хибарами по чётной стороне втиснулся китайский рынок, я пошёл туда. Метров сто — ряды, Фил проходил их с минуту, с полторы — продавливался в сальную людскую массу, лежат бетонные блоки, чёртова дыра, Архиповский, вот уж точно, ни пройти ни проехать — затем круто поворачивает направо и вливается в Ямской угол тощей щелью между слепых стен.

Через этот-то узкий лаз я проник на нужную улицу — где встретить должен был, но не встретил. И тишина, там была тишина, и низкое небо, но разъяснилось, низкое небо, очень синее. Какая там была тишина — слышал собственные мысли.

Ноги болели так, словно бежал марафон, из последних сил доковылял до входа в нужный двор. И вот — там должна была проходить ты, наверное, через вход другой, что ближе к проспекту, а Фил через этот, напрямик. Ты ведь всегда опаздываешь, Господи, сделай так, чтобы в этот день встретил её, хоть глазом одним увидеть её... Но он не был раньше в том дворе — угловой дом, двор проходной. Метнулся к воротам, поскользнулся, встал, улица пуста. Тебя нет, но вдруг появишься, и страх явленный увидеть тебя и опозориться сильнее, страх, к другому прохожу проходу между домами — выйду тебе навстречу, наберусь смелости... Три года назад тому в классе пятом смелости было, чтобы давать бить себя и таскать по полу за рукава, лишь бы мимо неё, лишь бы ты видела. А теперь нет смелости догнать. Каждый божий день ходил за нею, следил за нею от школы до дома, а поговорить нет смелости. Но в другом проходе стоял забор — Фил никогда не был там и не знал этого. Там забор — невысокий, не перепрыгнешь, и к нему вёл предательский чёрный сугроб. Чёртов март. Провалился, полные ботинки снега, взялся за прутья, подтянулся, перекинул ногу, сорвался, повис на штыре. Куртка выдержала, ноги не достают до земли. Предательский рыхлый снег, снег, который предал меня. Я долго висел на том заборе.

Глава I

Нет, начать следовало не с этого. На самом деле она была всегда.

Фил немного с детства знал. Что надо работать в университете — где и мама и папа работали, и бабушка, отец мамин. И знал, что обязательно будет, потому что нельзя иначе. Нельзя, практика марает руки, управляй процессом,

не исполняй его. И папа говорил, и отец мой, не исполняй, мол, и многое другое, логика, логика. Папа — логик, он преподаёт логику и молчит. Он молчит, из угла и тенью вдоль стен. У него нет залысины ещё. Волосы чёрные и короткие серебрятся электричеством, серое в жёлтом свете.

Фил знал слово «сессия». Сессия — это время, когда папа говорит. Я сижу дома и болею, не иду в сад. Или суббота, и я не болею. Утро, и свет белый, они сидят в гостиной, я смотрю телевизор и не вижу. Белый свет пляшет на пыльном кинескопе. Кот Леопольд, «лето кота Леопольда», зелень, дача, борщ на плите. У нас никогда не было дачи.

— Мы городские люди, — и мама, и бабушка, и папа, — то, что с огорода дёшево, с избытком ком-пен-си-ру-ет-ся излишними тру-до-за-тра-та-ми. И на огороде летом надо работать, а зачёты, а сессия.

Сессия — отец говорит. Мама кричит из глубины прихожей:

— Ты думаешь, я не вижу, что ты нажираешься?? — Глубоко, далеко в прихожей у грани подъезда и улицы, я не вижу. — Тебе дают, а ты берёшь, кем ты себя выставляешь?

Чего нажираешься? И так ли это плохо? Нет, плохо не это: есть надо аккуратно, ложка в правой, не кроши за столом, салфетка, руки вымой. Отец говорит, не о том, он логик:

— Я не беру взятки.

— Борзыми щенками. Не делай из меня дуру!

От отца сладко пахнет, он говорит:

— Я не хочу исправлять неисправимое.

— А я не хочу быть замужем за алкоголиком. Ты думаешь, тебя не видит никто, кончится тем, что ты без нагрудки вообще останешься, и тогда...

И тогда, долго, от папы пахнет сладко, они смотрели телевизор, пыльно и свет пляшет, я не вижу. Я не люблю, не любил никогда кота Леопольда, так правильно всё и строго. Это недолжное и делать нельзя, так нельзя и только же так можно. Давайте жить дружно. Фил не хотел так, глупо и узко. Как было бы быть, если так только, если только так... А мышей жалко; они строят машину, и белый чертит формулу на песке. Никакой Леопольд в ней не разберётся, строят и испытывают, но всё всегда против них. Мне не нравится, несправедливо. У нас никогда не было дачи. Во дворе зелено и белый свет, подъезд, и июнь тенистый и кислый, сирень не отцвела, белые бабочки в белом свете.

Мама вечером опять ругается с отцом. Маленькая комната ещё закрыта, не пробиралась по стенам тень моя, всегда была закрыта, и я не там. Я сплю на диване вместе с отцом. Он гасит свет, снимает очки и долго ворочается. Окно, экран синий и диафильмы теней, тени пыльные прячутся по углам. Фил сказал:

— Мне жалко мышей. Такая штука классная!

— Это машина Голдберга. — Голос отца ровный, как если машина говорит со мной.

— Кого?

Отец гладит меня по голове, приобнимает:

— Это такое название. Аппарат, нарушающий все законы логики и физики, чрезмерно сложный. Такие показывают в фильмах для комического эффекта. Чтобы смешно было.

Но не смешно, и завораживает, и цифры след на песке изящный и извитый. Я обязательно построю такую, только дождусь того, на чью голову должен упасть арбуз. Фил засыпал — отец смотрел и гладил по голове, и думалось мне: вот, и если бы мыши вели себя хорошо, всё

равно получали бы. Как так? Но ведь кто-то всё придумал это, значит, заранее знал. Там Леопольд хороший, а мыши — нет. Они бы всё равно получили. Мне жалко их.

Я смотрел на тебя, а ты похожа на кота Леопольда. Ты не говоришь никому ничего, но светлая и жёлтая, и жёлты обложки твоих книжек. Я смотрю на тебя и всегда смотрел из своего угла — я часто бывал там, я в своём, ты в своём. Фил её придумал — должно быть, что-то красивое, если вечно стоишь в углу. Или попал я туда, чтобы на тебя смотреть. Это легко, даже слишком.

— Отдай! Отдай, это моё!

— Нет!

— Вор, мразь, уёбок! — О, это только думают все, нахватался, но я знаю, что говорю.

— Ольгвикторовна, он материинится!

И толкает, и я его!

— Я его легонько толкнул, а он со всей силы-ы-ы-ы-ы...

И я в углу, и вижу тебя. И вижу себя, ноги, руки, и ненавижу, что говорят «молчи», и не молчу.

— Говнюк!

— Сволочь!

— Не лезь, урод!

И я в углу, и вижу тебя. Это легко. Слишком, легче лёгкого — я ненавижу их, и рад, они не знают моей тайны. Фил смотрел на неё. И иногда — ты. Фил ненавидел её, он — тут, она — там, и не мог не смотреть. Не мог молчать, не смотреть. Слова приводят к тебе. Любые слова. Сюда легко попасть, и невозможно к тебе. Надо любить читать. Надо любить, как любить, если надо? Он придумал её, в сказку не попасть. До неё не достать — можно отобрать что-то, но не за что. Он боялся, она молчит, не подойти к ней. Ненавидел, обидеть хотел, да не за что. Кинь мне хоть слово, как спасательный круг. Фил

бы зацепился за него. Я обижу тебя, и на веки вечные ты будешь стоять рядом. Но ты хорошая, ты молчишь. Ты не ошибаешься, ведёшь себя хорошо. Я ненавижу тебя за это. Фил придумал её, как сказку, смотрю и вижу. Ты — кот Леопольд, я — суть мыши, может, только белый, или оба. Я знаю, это на тебя должен упасть арбуз.

— Надо хорошо себя вести! — Ольга Викторовна не тащила Филадельфию в угол, он сам шёл.

— Извините, пожалуйста!

— Надо исправляться, понимаешь?! Стой и думай.

Фил стоял и думал. Он не хотел вообще-то, само так получалось. Он ненавидел себя, не молчал, но, открывая рот, попадал туда — в любом случае. Я стою и смотрю на тебя. Через бумажные стены.

— Отвернись в угол лицом!

— Не буду!

Она брала за шиворот и поворачивала. Фил не сопротивлялся. Потом она отворачивалась сама. Я смотрю на тебя. Пахнет вафельными полотенцами.

А час тихий! И не спавшие что творили, и не спала ты временами тоже; она смотрела на Филадельфию — как когда редко, но дух у него захватывало, но тихий час, я мечтаю, чтобы ты спала. Кидались подушками, дрались и бегали, и показывали такое, и за анатомию эту я тоже был в углу, я за всё и всегда в нём был, но не ты. Все показывали. Я убеждаюсь всё больше, что придумал тебя, потому что это никогда не ты. И вот почему — я просто не знаю этого. Всё просто.

Какую стойкость духа я выказывал и какое спокойствие, вися на этом заборе. Может, и Христу на кресте было не страшно — когда смерть отчётлива, некоторые смиряются. Но он не умрёт и не смирится, не сегодня и никогда. Но это спокойствие и ровное биение сердца —